

КОНВЕРСИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2002 Е.С. Кубрякова, В.А. Гуреев

Институт языкознания РАН

Наличие конверсии неизменно рассматривалось как типологическая особенность английского языка и существует огромное количество работ, так или иначе с ней связанных. Но прежде чем осветить некоторые из них и показать, как именно трактовалась конверсия в англистике, хотелось бы отметить, что если, действительно, указанное выше явление составляет яркую отличительную черту английского, его и следует изучать прежде всего с **типологической** точки зрения. А это означает, что конверсия должна исследоваться как особая разновидность **процессов транспозиции**, т.е. процессов, устанавливающих связи между отдельными частями речи отдельно взятого языка и заключающихся в том, что слово одной части речи (или даже определенных частиц речи) выступает в качестве **источника деривации** для создания слова другой части речи, другой категории или класса. Конверсия оказывается при этом представителем процесса транспозиции **безаффиксальной**, т.е. происходящей при полном отсутствии какой-либо специальной аффиксальной морфемы, свидетельствующей о средствах осуществления этого процесса. Главный признак конверсии как словообразовательного процесса – это, конечно, формирование нового обозначения с новым содержанием, притом моделируемым по тем же правилам, что наблюдаются, например, и при суффиксации. Приметой конверсии в современном английском языке оказывается создание благодаря этому деривационному процессу семантических структур со все более усложняющимися структурами. Введение таких сложных структур предполагает поэтому их объяснение. (Ср.: у Л. Телми – Linguistic forms can direct the distribution of one's attention over a referent scene in a certain type of pattern, the placement of one or more **windows** of greatest attention over the scene, in a process that can be termed the **windowing** of attention ... although only a certain portion or portions of the referent scene are explicitly specified, when thus **windowed**, it is understood as part of the nature of the **windowing** that ... the addressee will be able to

infer the remainder of the scene [21, 258]). При конверсии источник деривации и ее результат оказываются материально тождественными и потому – неразличимыми (ср. такие классические примеры конверсии как salt ‘соль’ – to salt ‘солить’ или же to work ‘работать’ – work ‘работа’). Важно при этом подчеркнуть, что особенность данного явления видится не в расширении и не в сужении мотивирующей основы, а в ее переосмыслении, в “повороте” основы и ее рассмотрении под новым углом зрения (см. [4, 290, 291]).

Еще одним условием конверсии оказывается обязательное тождество **назывных** форм двух слов – исходного и результативного, т.е. тождество мотивировавшей процесс единицы с единицей, ею мотивированной. Именно этот факт вызывает трудности как с определением **направления производности** (что от чего образовано), так и с определением самого **вторичного, производного** характера изучаемой единицы. Иначе говоря, это вопрос о том, почему в указанных выше словообразовательных парах мы считаем salt ‘соль’ или work ‘работать’ исходными единицами, а также о том, на чем основано наше убеждение, что salt ‘солить’ или work ‘работа’, действительно, производные, т.е. единицы, полученные в актах словообразования и потому разделяющие все свойства единиц этого класса наименований. В истории конверсии прослеживается четкая тенденция к ее экспансии – в силу продуктивности этого способа словообразования она охватила не только самые частотные глаголы для образования отглагольных имен или, напротив, многие частотные имена для образования обозначений действий по названному объекту и т.п., конверсия последовательно распространялась и распространяется на новые пласты исходных единиц, например, аббревиатуры или целые исходные фразы. Ср.: to DIY (от Do It Yourself), to OD (от overdose) [6, 14].

Естественно, что ответы на поставленные нами вопросы и предлагаемая трактовка конверсии являются следствием того, как понимается

само словообразование и какие закономерности характеризуют – соответственно принимаемой теории – любой словообразовательный акт. Это обстоятельство представляется необходимым подчеркнуть особо, ибо в современной лингвистике было совсем недавно высказано мнение о том, что конверсия вообще не принадлежит области словообразования, т.е. не представляет собой специфического словообразовательного процесса, являясь ничем иным, как функциональной перекатегоризацией слова – итогом его употребления в тексте и дискурсе в новой, первично ему не свойственной функции, результатом его особого использования в новой для него синтаксической конструкции. Так, в книге 1996 года, посвященной частям речи и смене частеречных характеристик у одной и той же формы, Петра М. Фогель подробно рассматривает конверсию как немаркированную переменную категориальных признаков слова (*merkmalloses Wortartenwechsel*) и отмечает возможность считать конверсию явлением не словообразования (т.е. создания нового слова), а его синтаксического использования [22, гл. 2]. Именно в этом свете она трактует анализ конверсии у Г. Суита и других англистов и вообще возвращается к истории изучения конверсии (в частности – и в работах российских исследователей), к выделению особых категориальных признаков у существительного и глагола и полифункциональности слова в английском языке. По ее мнению, при конверсии, трактуемой в терминах перехода слова из одной категории в другую, или же в терминах синтаксической перекатегоризации слова, подобный переход не следует считать словообразовательным [22, 245] и не следует ставить вопрос о направлении производности относительно конверсивных пар.

Решительно не соглашаясь с этой точкой зрения и выдвигая в данной работе аргументы в пользу иной интерпретации конверсии, мы бы хотели привести здесь еще одно важнейшее положение книги Фогель; она совершенно справедливо указывает на то, что в истории английского языка произошло невероятное: из-за процесса редукции флексий маркировка существительных и глаголов стала тождественной. Противопоставление имени и глагола, на ее взгляд, было нивелировано, а это и привело к многофункциональности слова [22, 261]. Но если с первым из этих утверждений нельзя не согласиться, второе утверждение явно может быть оспорено: именно потому, что части речи характеризуются в современном английском языке набором вполне определенных концептуальных признаков и каждая часть речи может быть выделена своей уникальной совокупностью когни-

тивно-дискурсивных параметров (см. подробнее [5]), существование конверсии не только не разрушает сложившихся оппозиций частей речи, но в каком-то смысле и **поддерживает** их, в силу отчетливой **семантической** противопоставленности *salt* и *to salt*, *work* и *to work* и т.п.

Мы видим ключ к решению проблемы конверсии в концептуальном анализе отдельных частей речи, в установлении семантических прототипов для каждого класса или категории слов, в определении специфики **концептуальных структур** для слов простых, непрямых и, напротив, для слов **производных** (с их ярко выраженной **гибридной** семантикой) даже при условии совпадения материальных последовательностей, репрезентирующих слова разных частей (частиц) речи.

Но прежде чем еще раз вернуться к доказательству этих тезисов, завершим рассмотрение взглядов П.М. Фогель, обратившись к ее последней работе [22]. В ней она снова выдвигает положение о том, что система частей речи строится на признаках “± предикация” и “± референция” и что поскольку ликвидация окончаний привела в английском языке к полному краху (*break-down*) всей прежней системы, она заложила основания для стирания различий между именем и глаголом, для их “унификации” [22, 262]. В английском языке слово любой части речи может выступать в составе предиката (ср. *He is big*; *He is a student*; *He is out*; *He sleeps* и т.п.) и это, якобы, делает возможным чистой основе появляться в одних и тех же синтаксических позициях (слотах) и, таким образом, возлагать ответственность за определение частеречной принадлежности на синтаксис. Сама же такая “чистая основа” остается при этом, якобы, “неспецифицированной” (*underspecified for “word-classes”*). Подобная спецификация (благодаря артиклю или другому окружению единицы) происходит только на синтаксическом уровне [Vogel 2000, 274]. Потеряв свои флексии, глагол потерял и способность к построению предиката (приобретая признак “– предикат”), а, значит, получил возможность выступать и в новой (референтной) функции.

На сказанное можно возразить только одним: синтаксическое поведение слова – это проявление его семантики, это **причина** его появления в определенном месте формирующегося в дискурсе высказывания, это **предпосылка** его использования; синтаксис демонстрирует **последствия** того, что в преддверии речи, в актах ее порождения, выбранная человеком единица номинации уже **не** существует в неспецифицированном виде, она уже не аморфна, а, наоборот, точно осмыслена в категориально-

концептуальном плане. Слово поступает в распоряжение синтаксиса, будучи категориально определенным, т.е. появляясь как обозначение **либо** предмета, **либо** процесса, **либо** признака, **либо** ориентира и т.п. – т.е. обладая своей предсуществующей речи частеречной семантикой. Если теперь обратиться – хотя бы в самых общих чертах – к истории изучения конверсии в англистике с указанных позиций, легко убедиться в том, что в понимании конвертированных слов и их специфики нередко царили те же заблуждения, что показательны и для современного языкознания: смешивались причины и следствия, инвертировалась каузальная цепочка событий. В то же время нельзя не признать и тот факт, что целый ряд тонких наблюдений за эмпирическим материалом уже может быть расценен как стремление разобраться в разных типах конверсии и определить ее суть, а, главное, как признание исключительной важности конверсии для всего строя английского языка. Небесполезно поэтому рассмотреть вкратце еще раз наиболее важные моменты в описании конверсии и лишь после этого предложить окончательную ее дефиницию.

Явление *конверсии* попало в поле зрения английских грамматистов сравнительно рано (См. [2, 313-317]). А. Лейн подчеркивал, что глаголы могут образовываться от существительных и прилагательных “добавлением глагольного окончания к существительному или прилагательному”. Так, от существительного *ship* глагол образуется следующим образом: *I ship, thou shippeth, he shippeth* и т.д. [16, 71]. Не отсюда ли берут начало истоки рассмотрения конверсии как способа словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова (см. работы А.И. Смирницкого, П.А. Соболевой)?

Другой английский грамматист Дж. Гринвуд пишет, что многие существительные и некоторые прилагательные (а иногда и другие части речи), употребляясь вместо глаголов, становятся глаголами. Так, от существительного *a house* образуется глагол *to house*, от существительного *shade* – глагол *to shade*, от существительных *fish* и *oil* – глаголы *to fish, to oil* [11, 169-170]. Он одним из первых английских грамматистов обратил внимание на синтаксическую особенность рассматриваемого явления.

На безаффиксальный способ словообразования обращается внимание, вслед за Дж. Гринвудом, в работах Дж. Бьюканана и Дж. Уорда [9, 156; 23, 56]. Дж. Уорд, придерживаясь традиции, делит все слова на основные и производные. Удивительно современно звучат его слова

о том, что последние образуются от основных или же производных, отличаясь от них “<...> только по смыслу, либо одновременно по смыслу и по форме”. Так, глагол *to place*, образованный от существительного *place*, отличается от него только по смыслу [23, 55-56].

В работе другого английского грамматиста У. Хейзлитта впервые в английской грамматике ставится вопрос о направлении производности – один из сложнейших и в современном языкознании. “Иногда трудно определить, произошел ли субстантив от глагола или же наоборот. В общем, однако, можно предположить, – пишет он, – что субстантивы, выражающие действия, происходят от глаголов”, а те из них, которые выражают “вещи или объекты”, могут рассматриваться в качестве “корней глаголов, имеющих отношение к этим объектам” [13, 66]. Тем самым, и он ставит на первый план семантический критерий при определении производности. В то же время, сравнивая глаголы *to love, to sleep* с существительными *love* и *sleep*, У. Хейзлитт подчеркивает, что они отличаются “не по содержанию, а по форме и манере выражения” [13, 39].

Важно отметить, что если примерно до середины XIX века грамматисты говорили о переходе частей речи (существительного, прилагательного и наречия в глагол, причастия в прилагательное и т.д.), то в конце XIX века появляется новый взгляд на проблему. В грамматике Р. Морриса речь уже идет об употреблении **одного и того же слова** в позиции различных частей речи. Синтаксический критерий у него выделяется в качестве главного при решении вопроса о принадлежности слова к той или иной части речи. Одно и то же слово, по его мнению, “может быть существительным в одной части предложения, прилагательным в другой, глаголом – в третьей” [18, 22]. В приведенном им примере – *I cannot second you in trying to get the second place on the list without thinking a second or two about it* – слово *second* употребляется как глагол, прилагательное и как существительное [18, 22]. То, что здесь три слова с тремя разными значениями, Р. Моррис, к сожалению, не замечает.

Подобный взгляд стал возможным в связи с активным развитием теории синтаксиса в английской грамматике (в частности, с появлением трихотомической классификации предложений, развитием учения о членах предложения). Кроме того, во многих грамматиках данного периода получает распространение взгляд на части речи как на слова, рассматриваемые не изолированно, а в рамках структуры предложения. Выдвинутое Р. Моррисом положение относительно полифункционализма слов было подхвачено в

дальнейшем многими грамматистами, в частности, при анализе конверсии.

Следует подчеркнуть, что в английских грамматиках второй половины XIX века в конверсии выделяются *de facto* и ее отдельные типы. Таково, в частности, рассмотрение явления субстантивации у А. Бейна, который отмечал, что прилагательные часто превращаются (*are converted*) в существительные, например: *the deep, the future, an imbecile, extremists, the originals*. Примеры субстантивации трактуются им как случаи эллипсиса, то есть пропуска существительного [7, 24]. При этом “конвертированное” подобным образом прилагательное часто может перенимать аффиксальные особенности последнего. С семантической же точки зрения субстантивированные прилагательные являются абстрактными (ср.: *the true* вместо *truth*, *the beautiful* вместо *beauty*). Процесс субстантивации не ограничивается прилагательными: он также затрагивает, по мнению А. Бейна, и наречия. Например, *an eternal now; the how, the when, and the why; since then* [7, 24].

Последняя четверть XIX века представляет собой важную веху в становлении учения о конверсии в английской грамматической традиции. Существенный вклад в его развитие внес известный английский лингвист Г. Суит. Считается, что он первый ввел термин *конверсия* в английскую грамматику [20, 38-40; 17, 360]. Думается, что этот термин создан им не без влияния английских универсальных грамматик (в частности, работы Дж. Харриса), в которых глагол *to convert* часто используется для обозначения перехода атрибутива в субстантив и наоборот [12, 188]. Конверсия у Г. Суита двупланова. С одной стороны, он не отказывается от идеи синтаксической полифункциональности слов, с другой, конверсия трактуется им как синтаксико-морфологический словообразовательный процесс. Начинается он с синтаксиса и заканчивается морфологией. Подобный подход к конверсии получает в дальнейшем широкое распространение [14; 15; 8; 19].

Конверсия, по мнению Г. Суита, имеет черты сходства с деривацией, хотя и не всегда в результате конверсии образуется новая лексическая единица. В отличие от Р. Морриса, он считает, что употребление слова в функциях других частей речи еще не является основанием для того, чтобы рассматривать его как принадлежащее другой части речи. Так, слово *silk* в словосочетании *silk thread* Г. Суит считает существительным. Конвертированное слово, подчеркивает грамматист, должно приобрести формальные черты (флексии и т.д.) той части речи, в которую оно перешло. “Вопрос о том, к какой части

речи принадлежит слово, - пишет он, - является, следовательно, вопросом формы, а не значения”.

Г. Суит впервые среди английских грамматистов вводит понятие *частичной конверсии*, суть которой он видит в том, что слово характеризуют формальные показатели сразу двух частей речи. Анализируя предложение *The good are happy*, он заключает, что слово *good*, с одной стороны, функционирует как существительное, употребляясь с определенным артиклем, с другой, - как прилагательное, так как не имеет суффикса множественного числа. Что касается слова *goods* в словосочетании *goods and chattels*, то это случай полной конверсии прилагательного в существительное.

Важным представляется вывод Г. Суита о том, что при конверсии показателем конвертированного слова служит его грамматическая оформленность. Учитывается не только синтаксическая сочетаемость с другими словами, но (как это делает позднее А.И. Смирницкий) также и парадигма производного слова. Грамматист обращает внимание на то, что хотя конвертированное слово сохраняет значение исходного, тем не менее, в дальнейшем происходит семантическое расхождение между ними.

Отдавая должное вкладу Г. Суита в развитие учения о конверсии, важно все же иметь в виду, что создавал он его не на пустом месте. Опираясь на опыт предшествующих поколений лингвистов, он обобщил богатый материал, который был накоплен в английской грамматической традиции по данному вопросу. Поэтому встречающееся в англистике утверждение о том, что Г. Суит является основоположником теории конверсии в английском языке [3, 9], можно принять только с известными оговорками.

В XX веке теория словообразования получает дальнейшее развитие, особенно в работах представителей английской дескриптивной лингвистики. Словообразовательный критерий, наряду с традиционными морфологическими факторами изменчивости/неизменчивости слов, используется теперь при определении классов слов английского языка. Конверсия рассматривается как разновидность функциональной транспозиции, как “процесс перемещения слова в другой класс слов без добавления аффикса” [10, 464].

Неизвестны такие языки, в которых не были бы представлены процессы транспозиции; последние создают мостики между разными частями речи, но, главное, по словам Ш. Балли, они не “замыкают” слова одной части речи знаками одного и того же категориального типа [1, 143]. Такие знаки, нерасчлененно передающие свое

значение и представляющие это значение в гештальтном, целостном виде, составляют исключительно ядро своей категории (слова простые, непроезные). В иных терминах, они демонстрируют прототипы, или прототип своего класса и организуют все члены той же категории **вокруг** этого прототипа, т.е. повторяя в той или иной степени характеризующие его признаки. Процессы транспозиции создают знаки, отличные от этих прототипов, так как, осуществляясь, они приводят к возникновению знаков **смешанных, гибридных (blendings)**, сочетающих в своей семантической структуре два и более категориальных значения в их определенных взаимодействиях друг с другом. Из ментальных пространств разного типа они черпают гетерогенные смыслы и объединяют, “сплавляют” единицы из каждого пространства в единую структуру, служа передаче значений **связи** между пространствами: предметным и признаковым, процессуально-событийным и ориентационным и т.п., создавая интересные комбинации или композиции таких разнородных значений. Ср. значения носителя признака (*добряк, горбун, каменщик* или *грузчик, летчик*), в которых семантическая структура строится по принципу объединения категориального (предметного) значения лица, с одной стороны, и характерного для него свойства, названного мотивирующей основой, с другой. В приведенных примерах каждый из названных концептов имеет материальный способ своего выражения: концепт “**тот, кто**” - суффиксальный, концепт “**признак/свойство**” - корневой. Но не то же ли самое в семантическом отношении наблюдаем мы и при конверсии, где, однако, концепт “**тот, кто**” не имеет специального способа его передачи; ср. слова типа *show-off* ‘воображала’ от *to show off*. Но семантическая структура этих единиц имплицитно этот концепт, и она строится тоже по формуле “**тот, кто характеризуется признаком, названным мотивирующей основой**”.

Каков же механизм подобного соединения? Это, конечно же, **метонимия**. Приобретение этого и аналогичных (деривационных) концептов и происходит в актах словообразования, всегда демонстрирующих определенный семантический сдвиг в сторону усложнения когнитивной структуры и образования нового концептуального объединения гетерогенных концептов.

Метонимия не случайно рассматривается как отражающая семантический перенос, или сдвиг, так как в ходе ее осуществления значение производного знака приобретает дополнительное значение – ср. *a gun*¹ ‘ружье’ → *a gun*² ‘стре-

лок’, т.е. ‘человек с ружьем’. Такой процесс по сути дела эквивалентен словообразовательному (откуда и его название – “семантическая деривация”). Ср.: *to shoot* ‘стрелять’ → *a shoot* ‘охота’, ‘стрельба’ → *a shooter* ‘стрелок’. (См. [1, 155]).

Метонимию следует рассматривать как знаковую (семиотическую) операцию, в ходе которой один знак получает возможность выступать вместо другого знака. Отношения между этими знаками принимают при этом форму одной из корреляций между целым и его частью (частями). Ш. Балли описал это в виде формул *pars pro toto* или *toto pro pars*, *pars pro pars* и *toto pro toto* [1]. При конверсии такой формулой является *toto pro toto*, т.е. одна целостность (исходная, конвертируемая форма) начинает выступать вместо другой (конвертированной): корень или основа одной части речи (например, глагола) оказывается способной выступать в функции другой (например, существительного). Ср.: *to break* → *a break*. Таким образом, полифункциональность английского слова – это в известном смысле фикция: слово не может быть одновременно и существительным, и прилагательным, и глаголом. А вот за одной и той же формой могут, действительно, стоять не одинаковые по своей сложности когнитивные/концептуальные структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
2. Гуреев В.А. Учение о частях речи в английской грамматической традиции. Дис. ... докт. филол. наук. – М.: Институт языкознания РАН, 2001.
3. Загоруйко А.Я. Конверсия – морфологосинтаксический способ словообразования (на материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону: РГПИ, 1960.
4. Кубрякова Е.С. Теория номинации и ее виды. // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 222-304.
5. Кубрякова Е.С. – Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Институт языкознания РАН, 1997.
6. Хованова С.Ю. Лингвокреативный потенциал конверсии в современном английском языке. Автореф. дтс. ... канд. филол. наук. – М.: МГПУ, 2002.
7. Bain A. A higher English grammar. New edition revised and enlarged. – London: Longman and Co., 1879.

8. Bradley H. The making of English. – London: Macmillan and Co., 1937.
9. Buchanan J. The British grammar. – London, 1762. English linguistics, 1500-1800. A collection of facsimile reprints, by R.C. Alston, № 97, Menston, The Scolar Press limited 1968.
10. Greenbaum S. The Oxford English Grammar. – New York: Oxford University Press, 1996.
11. Greenwood J. An essay towards a practical English grammar. – London, 1711. Menston, The Scolar Press limited, 1968.
12. Harris J. Hermes or a phylosophical inquiry concerning universal grammar. 3rd edition. – London: Nourse, 1771, (1st edition 1751).
13. Hazlitt W. A new and improved grammar of the English tongue: for the use of schools. – London, 1810.
14. Jespersen O. Growth and structure of the English language. New York, 1928.
15. Kruisinga A.E. A handbook of present-day English. Part II, vol. 2., 5th edition, P.Noordhoff, Groningen, 1932 (1st edition – 1909).
16. Lane A. A key to the art of letters. – London, 1700. English linguistics, 1500- 1800. A collection of facsimile reprints, by R.C. Alston, № 171, Menston, The Scolar Press limited 1979.
17. Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation. 2nd edition. – Munchen, 1969 (1st edition – 1960).
18. Morris R. English grammar. – London: Macmillan, 1886.
19. Robertson S. The development of modern English. – New York, 1939.
20. Sweet H. A new English grammar. Logical and historical. Part I. Introduction, phonology and accidence. Part II. Syntax. – Oxford: At the Clarendon Press, 1900, 1930.
21. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics; vol. 1. Concept Structuring Systems. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2000.
22. Vogel P.M. Wortarten und Wortartenwechsel. Zur Konversion und verwandten Erscheinungen im Deutschen und in andern Sprachen. – Brl.-N.Y., de Gruyter, 1996, S.99 u.w.
23. Ward J. Four essays upon the English language. – London: 1758. English linguistics, 1500-1800. A collection of facsimile reprints, by R.C. Alston, № 45, The Scolar Press limited 1967.

*

*

*

Е.С. Кубрякова благодарит Фонд Готлиба Даймлера и Карла Бенца за финансовую поддержку ее работ по проекту 12-09/2001 и за возможность использовать библиотеки Германии в ходе их выполнения.